

Никита Зон
Не Отпускай

«Автор»

2026

Зон Н.

Не Отпускай / Н. Зон — «Автор», 2026

Александра Громова давно перестала верить в счастливые случайности. После развода её жизнь стала спокойной, предсказуемой и одинокой — до тех пор, пока на одной литературной вечеринке она не встретила Максима. Он внимателен, умён и кажется именно тем человеком, которого она ждала много лет. Но чем ближе они становятся друг другу, тем больше трещин появляется в его безупречной истории. Максим — не тот, за кого себя выдаёт. За другим именем скрывается прошлое, долг опасному человеку и тайны, способные разрушить не только их отношения, но и их жизни. Когда правда выходит наружу, Александре предстоит решить: уйти и спасти себя или остаться рядом с человеком, который солгал ей с самого начала.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Никита Зон Не Отпускай

Глава

НИКИТА Зон

НЕ ОТПУСКАЙ

Романтический психологический триллер

2026

ПРОЛОГ

Она поняла, что влюбилась в него, именно тогда, когда должна была понять, что он опасен.

Это случилось в четверг, в половине восьмого вечера, в маленьком баре на Покровке, где пахло корицей и старым деревом. Максим сидел напротив и рассказывал что-то смешное про командировку в Казань — про гостиницу с протекающей крышей и таксиста, который всю дорогу пел романсы. Александра смеялась. И в какой-то момент он замолчал на полуслове и посмотрел на неё так, как смотрят на что-то редкое — не жадно, а бережно.

Именно тогда.

Она не знала ещё, что телефонный звонок, который он получил в ту же ночь и вышел отвечать на улицу, был от человека, которого он боялся. Не знала, что имя, которое он назвал ей при знакомстве — Максим Орлов — было вторым его именем, не первым. Не знала про квартиру в Петербурге, про женщину, которая до сих пор считала себя его женой, и про деньги — чужие деньги, которые он нёс в кармане в тот вечер, когда они познакомились.

Она знала только одно: когда он вернулся из-за двери и снова сел напротив, она почувствовала облегчение. Просто от того, что он вернулся.

Это и было начало.

ГЛАВА 1. АЛЕКСАНДРА

Александра Громова работала редактором в небольшом издательстве и жила одна в двухкомнатной квартире на Таганке — той, что досталась ей после развода три года назад.

Развод был тихим, почти вежливым — что, по мнению её подруги Кати, было хуже громкого. «Громкий развод хотя бы что-то выжигает», — говорила Катя. «А тихий просто остаётся и лежит внутри как камень».

Камень, наверное, был. Александра его почти не чувствовала — привыкла.

Бывший муж Игорь уехал в Питер через месяц после того, как они подписали бумаги. Звонил иногда — по делу, потом реже, потом совсем перестал. Александра не скучала по нему. Скучала по тому, как утром пахло кофе с его стороны кровати. По ощущению, что кто-то знает, во сколько ты вернёшься домой.

В тридцать четыре года она была одна, занята работой, имела двух хороших подруг, читала много, пила умеренно и не искала никого — просто не искала, без трагедии.

Максима она встретила случайно.

* * *

Это было в октябре, в пятницу. Издательство устраивало небольшую вечеринку по поводу выхода романа одного из авторов — Алексей Борисович Кравцов, детективы про провинциального следователя, семьдесят тысяч проданных экземпляров, прекрасный человек с бородой и вечным чаем в руках. Александра отвечала за его книги уже три года и считала эти вечеринки обязательной, но утомительной частью работы.

Она стояла у окна с бокалом белого и смотрела на улицу, когда рядом оказался незнакомый мужчина.

— Вы тоже прячетесь? — спросил он.

— От чего? — удивилась она.

— От Алексея Борисовича. Он рассказывает про третью книгу всем, кто не успел убежать. Я уже слышал сюжет дважды.

Александра засмеялась — неожиданно для себя.

— Я его редактор, мне придётся выслушать ещё раз двадцать, — сказала она.

— Сочувствую. — Он протянул руку. — Максим.

— Александра.

Он был немного выше неё, тёмные волосы с первой сединой на висках, хорошая рубашка, умные глаза — такие, которые смотрят на тебя с настоящим интересом, а не с тем вежливым вниманием, с которым люди обычно смотрят на незнакомцев.

— Вы из издательства? — спросила она.

— Нет. Я знаком с Кравцовым по другой линии, — сказал он немного уклончиво. — Старые знакомые.

— По какой линии?

Он чуть улыбнулся.

— Долго объяснять. Лучше расскажите про третью книгу — вдруг я ещё не слышал этот вариант.

* * *

Они разговаривали два часа.

Александра потом не могла вспомнить точно, о чём именно — о книгах, о городе, о каком-то фильме, который она видела недавно. Разговор был из тех, что текут сами собой, без усилий, когда не нужно думать, что сказать дальше.

Перед уходом он спросил, можно ли позвонить.

— Можно, — сказала она. И дала номер. Что само по себе было необычно — она не давала номер незнакомым мужчинам на вечеринках. Давно не давала.

Он позвонил на следующий день — не через неделю, не через три дня, а на следующий день, в субботу, около полудня.

— Есть кофейня на Маросейке, — сказал он. — Там делают хороший флэт уайт. Если у вас есть час.

Час у неё был.

* * *

Они встретились в воскресенье, потом в четверг — тот самый вечер в баре на Покровке. Потом ещё раз, и ещё.

Максим работал консультантом — что именно консультировал, она поняла не сразу: что-то связанное с финансами, с оценкой активов компаний, с переговорами. Говорил об этом коротко, без деталей, переводил разговор на другое. Александра решила, что он просто не любит говорить о работе — она и сама не любила объяснять незнакомым людям разницу между редактором и корректором.

Он снимал квартиру на Чистых прудах. Родом из Екатеринбурга, в Москве шесть лет. Родители — там, в Екатеринбурге, отец инженер, мать учитель. Был женат давно, развёлся — «не сложилось, обычная история».

Александра слушала и думала: он говорит правду. Люди, которые врут, обычно говорят слишком гладко или слишком сбивчиво. Он говорил ровно — с паузами в нужных местах, с небольшими оговорками. Это звучало как правда.

Она не знала тогда, что именно так и выглядит хорошо выстроенная ложь.

ГЛАВА 2. МАКСИМ

Максима Орлова — настоящее имя Дмитрий Игоревич Воронов — в Москве знали немногие.

Те, кто знал, делились на две категории. Первые — клиенты, которым он помогал решать вопросы. Вторые — люди, которым он был должен.

Вторых становилось больше.

Он понял это в октябре, когда Пётр Андреевич — человек, чьё имя лучше было не проносить вслух в определённых кругах — позвонил и сказал негромко: «Дима, у нас проблема с графиком». Это означало, что время, которое Воронов считал своим, на самом деле принадлежало другим.

Деньги были взяты год назад — под конкретную операцию, которая не сложилась. Не по его вине, но это не имело значения. В мире Петра Андреевича вина была понятием относительным, а долг — абсолютным.

Максим Орлов был именем, придуманным для Москвы. Новый телефон, новая квартира, новая история. Инструмент, а не личность.

Проблема была в том, что в этой новой жизни он встретил Александру.

* * *

Он не планировал ничего, когда подошёл к ней на вечеринке. Просто красивая женщина у окна, умный взгляд, бокал белого вина — он любил красивых умных женщин, это была его настоящая черта, не придуманная.

Поговорили. Она смеялась так, как смеются люди, которые не боятся выглядеть искренними. Дала номер.

Он позвонил назавтра не потому что следовал какому-то плану. Просто хотел услышать её голос снова.

Это было ошибкой. Он понял это примерно на третьей встрече — когда поймал себя на том, что думает о ней в неподходящее время. В середине разговора с Петром Андреевичем, например. Или когда изучал документы, которые нужно было изучать очень внимательно.

Человек в его положении не должен был думать ни о ком, кроме себя.

Но он продолжал.

* * *

В пятницу, через три недели после знакомства, они гуляли по набережной. Октябрь, холодно, Москва-река тёмная и тяжёлая. Александра была в синем пальто, которое ей очень шло, и рассказывала про рукопись, которую читала на этой неделе.

— Автор пишет про предательство, — говорила она. — Но не понимает, что его герой предаёт не других — он предаёт сам себя. Это важнее, а он не видит.

Максим молчал.

— Ты слушаешь? — спросила она.

— Слушаю, — сказал он. — Ты права. Предательство себя — это хуже всего. Потому что от него никуда не уйдёшь.

Она посмотрела на него — чуть удивлённо.

— Ты говоришь так, будто знаешь об этом не в теории.

Он не ответил сразу. Смотрел на воду.

— Все знают об этом не в теории, — сказал он наконец. — Просто не все признают.

Она взяла его за руку — просто так, без слов. И они пошли дальше вдоль реки.

Максим думал: надо остановить это. Надо сказать что-то, что разрушит это, пока не стало хуже. Он умел это — умел делать так, чтобы люди уходили сами, без объяснений.

Он не сделал ничего.

Просто держал её руку и шёл рядом.

* * *

Вечером того же дня позвонил Пётр Андреевич.

— Как у нас дела, Дима?

— Работаю.

— Хорошо. Времени осталось три недели, ты помнишь.

— Помню.

— И ещё одно. — Короткая пауза. — Ты там, говорят, с кем-то познакомился. Редактор какая-то.

Максим почувствовал, как что-то сжалось в груди.

— Откуда ты знаешь?

— Дима, — сказал Пётр Андреевич с ленивым укором. — Ты же понимаешь, что я всегда знаю. — Пауза. — Это лишнее. Убери.

ГЛАВА 3. БЛИЖЕ

Александра не верила в любовь с первого взгляда.

Она верила в интерес с первого взгляда, в симпатию, в любопытство. Любовь, по её убеждению — редакторскому, профессиональному убеждению — это была конструкция, которую строят постепенно. Кирпич за кирпичом: общие утра, чужие привычки, которые становятся своими, узнавание человека в нехороший момент.

С Максимом всё шло быстро. Слишком быстро — она это чувствовала и сама себя притормаживала.

— Ты осторожничаешь, — сказала Катя, выслушав её после четвёртой встречи.

— Я просто не тороплюсь.

— Саша, ты мне три года говоришь «не тороплюсь» про каждого, кто тебе хоть немного нравился.

— Потому что торопиться не надо.

— Или потому что страшно?

Александра не ответила. Катя умела задавать вопросы, на которые не хочется отвечать.

Страшно — да, наверное. После Игоря было страшно. Не потому что он сделал что-то ужасное — просто ушёл тихо, как уходит тепло из комнаты, когда забываешь закрыть форточку. Постепенно, незаметно, и в какой-то момент обнаруживаешь, что холодно.

С Максимом было не холодно. Это пугало само по себе.

* * *

На пятой встрече они остались у неё.

Не было ничего романтического в том, как это получилось — просто засиделись допоздна, уже после полуночи, разговаривали про что-то, она не помнила про что, и стало понятно, что он остаётся.

Утром он проснулся раньше неё. Когда она вышла на кухню, он уже варил кофе — нашёл всё сам, не спрашивая, как будто ориентировался в её кухне давно.

— Ты нашёл джезву, — сказала она.

— Она стояла на виду.

— Мало кто варит в джезве.

— Мой отец варил, — сказал он. — Я с детства привык, что кофе должен быть настоящим.

Она смотрела на него — растрёпанный, в её старом пледе, накинутом на плечи, со слишком серьёзным выражением для человека, варящего кофе в чужой кухне.

— Ты странный, — сказала она.

— Знаю.

— Это не плохо.

— Знаю, — повторил он. И улыбнулся — по-настоящему, не той улыбкой, которую она замечала иногда на людях, когда они улыбаются потому что надо.

Она подумала: вот. Вот оно.

И испугалась — совсем чуть-чуть, ровно столько, сколько нужно, чтобы понять, что это важно.

* * *

Потом было много утр.

Он не переехал — они не говорили об этом, это было бы слишком быстро. Но он бывал у неё часто, иногда оставался на два-три дня. Знал, где лежат её любимые чашки. Знал, что она не разговаривает до первого кофе. Знал, что она читает перед сном и засыпает с книгой, которую потом ищет с утра под подушкой.

Она знала про него другое. Что он встаёт рано и тихо, чтобы не разбудить её. Что думает перед тем, как говорить — секунда-две, заметная только если смотреть. Что иногда, когда ему звонят, он выходит в другую комнату, и это длится недолго, и он возвращается нормальным, как будто ничего не было.

Она решила не спрашивать про звонки. Люди имеют право на рабочие разговоры.

Потом решила спросить — и не спросила. Потом снова решила.

Спросила в ноябре, когда они лежали в темноте и он думал, что она уже спит.

— Максим.

— Да.

— Тебе иногда звонят ночью. Это нормально для консультанта?

Пауза. Короткая — он не думал, просто пауза перед словами.

— Клиенты бывают в разных часовых поясах.

— Каждую ночь?

— Не каждую.

Молчание.

— Ты мне что-то не говоришь, — сказала она. Не обвинение — просто констатация.

— Все что-то не говорят, — ответил он.

— Это правда. — Она повернулась к нему. В темноте его лицо было едва различимо. —

Но я хочу знать — это то, что опасно? Для тебя?

Долгая пауза.

— Нет, — сказал он.

Она поверила. Хотела верить — и поверила.

Это была её ошибка.

ГЛАВА 4. ПЁТР АНДРЕЕВИЧ

Пётр Андреевич Самсонов не был злодеем в том смысле, который подразумевает это слово в книгах.

Он был деловым человеком. Шестьдесят два года, крупный, с тяжёлыми руками и очень спокойным лицом — такое спокойствие бывает у людей, которые давно перестали беспокоиться о чужом мнении. Занимался несколькими бизнесами одновременно, некоторые из которых были полностью легальными.

Воронов — которого он называл Димой, потому что знал его настоящее имя — появился в его жизни три года назад. Толковый человек: умел разговаривать с нужными людьми, умел находить информацию, умел быть незаметным. Такие люди были полезны.

Долг возник из операции с недвижимостью, которая пошла не так. Воронов должен был провести переговоры, убедить партнёров подписать определённые документы. Партнёры не подписали. Самсонов потерял деньги.

Он не злился на Воронова особенно — просто зафиксировал долг и ждал. Долги всегда возвращаются, один способом или другим.

Женщина была неожиданностью.

Самсонов узнал о ней случайно — один из его людей видел Воронова в кафе, потом в другом месте, потом ещё. Женщина с ним, одна и та же. Это было нарушением негласного правила: люди в сложных ситуациях не должны обрастать привязанностями. Привязанности — это уязвимости.

Он сказал Воронову убрать. Тот сказал «хорошо».

Но прошла неделя, потом вторая. Женщина никуда не делась.

Самсонов решил посмотреть на неё сам.

* * *

Он увидел её в четверг — случайно, Воронов не знал. Она выходила из издательства на Мясницкой, в синем пальто, с большой сумкой, из которой торчала рукопись. Остановилась на крыльце, подняла воротник, посмотрела на небо — шёл мелкий дождь.

Обычная женщина. Не особенно красивая, не особенно нет. Умное лицо, быстрые глаза.

Самсонов смотрел на неё минуту.

Потом сделал то, чего от себя не ожидал: не позвонил своим людям. Просто сел в машину и уехал.

Он не знал ещё, что это решение — или его отсутствие — изменит всё.

* * *

Воронов позвонил ему сам в пятницу вечером.

— Пётр Андреевич. Нам нужно поговорить.

— Говори.

— Не по телефону.

Они встретились в субботу, в ресторане в центре, где Самсонов бывал часто — хозяин был надёжным человеком, столик всегда был в углу.

Воронов пришёл точно в срок. Сел. Заказал только воду. Это само по себе говорило о чём-то: люди, которые заказывают только воду на деловой встрече, либо очень собраны, либо очень нервничают.

— Деньги будут, — сказал Воронов. — Через месяц. Я нашёл схему.

— Хорошо. А девушка?

Пауза.

— Она не при чём.

— Дима. — Самсонов говорил ровно, без угрозы в голосе — он давно понял, что без угрозы убедительнее. — Я тебе уже сказал.

— Я слышал.

— Тогда почему ты здесь и говоришь мне про деньги, а не про то, что выполнил то, о чём я просил?

Воронов смотрел на него прямо. Это тоже было необычно — большинство людей в такой ситуации смотрели в сторону.

— Потому что я не собираюсь этого делать, — сказал он.

Тишина за столиком была тяжёлой.

— Повтори, — сказал Самсонов.

— Я не уберу её из своей жизни. Деньги будут — в срок. Это отдельно. Она — отдельно. Самсонов долго смотрел на него.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Понимаю.

— Ты думаешь о ней или о себе?

Воронов не ответил сразу.

— О ней, — сказал он наконец.

Самсонов взял бокал с водой, сделал глоток, поставил.

— Значит, должен понимать, что ты делаешь её частью ситуации, которая к ней не имеет отношения. — Пауза. — Это нечестно по отношению к ней, Дима. Не ко мне.

Воронов молчал.

— Я дам тебе ещё неделю, — сказал Самсонов. — Подумай. Правильно подумай.

ГЛАВА 5. ТРЕЩИНА

Александра заметила изменение в середине ноября.

Максим стал чуть более тихим. Не холодным — просто тихим. Как будто что-то занимало его изнутри, что-то, о чём он не говорил. Она спрашивала — он отвечал «всё нормально, работа» — и это звучало правдиво, но не вполне.

Она не давила. Это было её принципом — не давить, потому что знала по себе: когда давят, закрываешься ещё сильнее.

В пятницу вечером они договорились поужинать. Он пришёл на двадцать минут позже, что было для него необычно. Сел, заказал вино, был нормальным весь вечер — смеялся, разговаривал, держал её за руку.

Только один раз, когда она говорила что-то про работу, посмотрел на неё с таким выражением, которое она потом долго не могла назвать. Не грусть, не тревога. Что-то вроде того, как смотрят на вещь, которую собираются потерять.

— Что? — спросила она.

— Ничего. — Он улыбнулся. — Просто смотрю на тебя.

Она отложила вилку.

— Максим. Скажи мне, что происходит.

— Ничего не происходит.

— Ты врёшь.

Не грубо — просто факт. Она умела это — видеть, когда текст не совпадает с подтекстом. Редакторский навык, применённый не к рукописи.

Он помолчал.

— У меня сложный период в работе, — сказал он наконец. — Я не хочу тащить это в наш вечер.

— Ты уже потащил, — сказала она. — Тем, что молчишь об этом.

Долгая пауза.

— Саша.

— Что?

— Ты умеешь замечать то, что другие не замечают.

— Это комплимент или жалоба?

— Комплимент, — сказал он. — Хотя иногда — и то, и другое.

Она смотрела на него и думала: он не расскажет. Не сегодня. Может, не скоро. И она стояла перед выбором — принять это или нет.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Но когда будешь готов — скажи. Я не кусаюсь.

— Знаю, — сказал он. — Это одна из причин, по которым ты мне важна.

* * *

После ужина они шли пешком. Ноябрь, холодно, но он не заметил холода — шёл рядом и думал.

Самсонов дал неделю. Неделя заканчивалась в воскресенье.

У него было два варианта.

Первый: сделать то, что Самсонов сказал. Найти причину, объяснить Александре что-то правдоподобное, исчезнуть. Это было безопасно для неё — она не знала ничего, она была просто редактором, у которой был мужчина несколько недель.

Второй: найти деньги быстрее. Закрывать долг досрочно, выйти из ситуации раньше срока. Тогда Самсонов потеряет рычаг давления.

Месяц на поиск денег против двух дней до дедлайна Самсонова.

Математика была плохая.

— О чём думаешь? — спросила Александра.

— О математике, — сказал он честно.

— В смысле?

— Иногда ситуации выглядят как уравнения, где все решения имеют цену.

Она взяла его за руку.

— Это звучит не очень весело.

— Нет. — Он сжал её руку. — Но иногда находится переменная, которую не учёл.

— Это оптимистично.

— Стараюсь, — сказал он.

Она засмеялась. И ему стало чуть легче — на ту долю, которую даёт смех человека, которому доверяешь.

ГЛАВА 6. КАТЯ

Катерина Волкова — лучшая подруга Александры с университета — работала юристом в крупной компании и имела особый дар: видеть людей насквозь, что было одновременно её профессиональным активом и личной проблемой.

— Расскажи мне про него, — сказала она в субботу, когда они пили кофе у Кати дома.

— Я уже рассказывала.

— Рассказывала факты. Расскажи про ощущение.

Александра подумала.

— Ощущение, что он настоящий. Не тот образ, который люди выстраивают на первых этапах знакомства. А настоящий — со своими вещами, которые не показывает, но которые есть.

— Что за вещи?

— Не знаю. — Она помолчала. — Он иногда получает ночные звонки и выходит отвечать.

Говорит, что клиенты в других часовых поясах.

— Может, так и есть.

— Может. — Пауза. — Но есть что-то ещё. Он иногда смотрит так, будто что-то решает.

Внутри. И это решение его беспокоит.

Катя молчала, крутя чашку в руках.

— Саша, — сказала она наконец. — Ты проверяла, кто он такой?

— В смысле? Я ему доверяю.

— Это не про доверие. Это про элементарную безопасность. — Катя смотрела на неё серьёзно. — Ты с ним уже больше месяца. Он у тебя дома бывает. Ты что-нибудь знаешь о нём, кроме того, что он сам рассказал?

— Катя, это звучит параноидально.

— Это звучит как здравый смысл. — Она положила руку на стол. — Я не говорю, что он плохой человек. Я говорю: ты умная женщина, а умные женщины иногда теряют умность именно тогда, когда она нужна больше всего.

Александра смотрела на неё. Катя была права — это бесило.

— И что ты предлагаешь?

— Ничего страшного. Просто проверь базовые вещи. Он же говорит, что консультант — у него должно быть юрлицо, сайт, что-то. Погугли.

— Это неловко.

— Менее неловко, чем через полгода обнаружить что-то, что можно было узнать за пять минут.

* * *

Александра погуглила. В воскресенье, после того как Максим уехал. Сидела за ноутбуком с кофе и чувствовала себя немного глупо.

«Максим Орлов консультант Москва» — ничего особенного. Есть несколько Максимов Орловых, один финансовый аналитик в LinkedIn, но не тот возраст и фото не совпадает.

Никакого сайта, никакого юрлица, никаких публикаций.

Это ничего не значило — многие консультанты работают без публичности, через рекомендации. Она знала таких.

Но всё равно было немного беспокойно.

Она написала Кате: «Нашла мало. Это нормально?»

Катя ответила: «Зависит от того, насколько тебе важно знать».

Александра закрыла ноутбук и пошла читать рукопись.

Потом открыла снова.

Набрала в поиске: «Максим Орлов финансовый консультант Екатеринбург Москва».

Долго смотрела на результаты.

Ничего. Совсем ничего.

Люди оставляют следы. Шесть лет в Москве, финансовая сфера, переговоры с клиентами — что-то должно быть. Упоминание в чьём-то посте, участие в конференции, рекомендация на профессиональном форуме.

Ничего.

Она закрыла ноутбук. Потом снова открыла. Потом решила, что завтра спросит его прямо.

Завтра он позвонил и сказал, что им нужно поговорить.

ГЛАВА 7. РАЗГОВОР

Они встретились в кофейне на Маросейке — той самой, где впервые пили кофе.

Александра заметила, что он выбрал именно это место, и не знала, случайно это или нет.

Максим пришёл раньше. Сидел с кофе, смотрел в окно. Когда она вошла, поднялся — он всегда вставал, когда она входила, это было старомодно и почему-то важно для неё.

— Привет, — сказала она.

— Привет.

Она заказала кофе. Они молчали, пока ей не принесли. Потом она сказала:

— Ты говорил, что нам надо поговорить.

— Да.

— Я тоже хотела кое-что спросить. Ты или я?

— Ты, — сказал он.

Она посмотрела на него — прямо, как умела.

— Я пыталась найти тебя в интернете. Максим Орлов, консультант, Москва, Екатеринбург. Ничего нет. Совсем. Шесть лет в финансовой сфере — и ни одного следа.

Он не отвёл взгляд. Просто смотрел на неё.

— Я знаю, что это может быть нормально, — продолжила она. — Но я хочу знать — это нормально? В твоём случае?

Долгая пауза.

— Нет, — сказал он.

Одно слово. Она ждала продолжения.

— Максим Орлов — это не моё настоящее имя.

Тишина. Кофейня вокруг гудела, кто-то смеялся за соседним столиком, бариста что-то говорил клиенту. Александра сидела и смотрела на человека, с которым провела последние полтора месяца, и пыталась понять, что именно она сейчас чувствует.

— Как тебя зовут? — спросила она наконец. Тихо.

— Дмитрий. Дмитрий Воронов.

— Почему Орлов?

— Потому что в Москве мне нужно было быть другим человеком. — Пауза. — Это связано с ситуацией, в которой я оказался год назад. Ничего криминального в прямом смысле — но сложно. И я не хотел, чтобы это коснулось тебя.

— Ты не хотел, чтобы это коснулось меня — или не хотел, чтобы я узнала?

Пауза.

— Второе, — сказал он. — Это честнее.

Александра взяла кофе, сделала глоток. Просто чтобы что-то сделать.

— Что за ситуация?

— Я должен деньги человеку, которому лучше не быть должным. Я работаю над тем, чтобы вернуть. Срок — конец ноября.

— И потом?

— Потом я буду свободен.

— А сейчас — нет.

— Сейчас — нет.

Она смотрела на него. Он не оправдывался, не преувеличивал и не преуменьшал. Говорил — просто и прямо, как человек, который решил говорить правду и знает, что это может стоить ему дорого.

— Этот человек — он опасен?

Пауза.

— Может быть, — сказал Дмитрий.

— Для тебя?

— Да.

— Для меня?

Долгая пауза. Самая долгая.

— Я сделаю всё, чтобы нет, — сказал он.

Александра поставила кофе на стол.

— Дима, — сказала она. Первый раз — это имя. — Ты понимаешь, что я сейчас должна уйти? По всем правилам здравого смысла и самосохранения — встать и уйти.

— Да, — сказал он.

— И ты бы не осудил меня.

— Нет. Никогда.

— Но ты пришёл сюда и рассказал мне это.

— Да.

— Почему?

Он смотрел на неё.

— Потому что ты спросила прямо. И потому что я не могу больше говорить тебе неправду. — Пауза. — Это эгоистично с моей стороны. Мне легче, когда ты знаешь. Но тебе от этого не лучше.

Она думала. Долго — для неё, может, минуту, для него, наверное, вечность.

— Что тебе нужно, чтобы закрыть этот долг? — спросила она.

Он не понял сразу.

— Что?

— Деньги. Сколько?

— Саша. Нет.

— Сколько?

— Это не твоя проблема.

— Ты сделал её моей, когда рассказал. — Она смотрела на него спокойно. — Я не богатая.

Но у меня есть накопления. Сколько?

— Нет, — повторил он твёрдо. — Я не возьму у тебя деньги. Никогда. Это закрыто.

— Тогда что ты будешь делать?

— То, что планировал. У меня есть схема. Есть время — чуть меньше, чем хотелось бы.

Но есть.

Она кивнула. Смотрела на него ещё секунду.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда вот что. Ты будешь говорить мне правду — не всё, если нельзя всё, но не врать. Договорились?

— Договорились, — сказал он.

— И ещё одно.

— Что?

— Меня зовут Александра. Не Саша — я не люблю. Ты единственный человек, которому я позволяю.

Он смотрел на неё.

— Хорошо, Саша, — сказал он тихо.

Она засмеялась — неожиданно для обоих.

— Идиот, — сказала она.

— Наверное, — согласился он. И улыбнулся — той самой улыбкой, настоящей.

ГЛАВА 8. ДМИТРИЙ ВОРОНОВ

Его настоящая история была проще и сложнее одновременно, чем она могла представить.

Дмитрий Игоревич Воронов, тридцать восемь лет. Родился в Екатеринбурге, там же учился — экономический факультет, потом магистратура по финансам. Восемь лет работал в легальном бизнесе: оценка компаний, переговоры при слияниях и поглощениях, работа с проблемными активами.

Потом познакомился с Самсоновым. Через общих знакомых, как всегда бывает.

Самсонов предложил работу — консультации по конкретным сделкам, которые требовали особой деликатности. Платил хорошо. Дмитрий согласился — не сразу, но согласился.

Первые два года всё было в норме. Потом — та сделка с недвижимостью, которая не сложилась. Партнёры в последний момент отказались подписывать, сославшись на юридические риски, которые Дмитрий должен был, по мнению Самсонова, предусмотреть.

Долг зафиксировали. Условия выплаты оговорили.

Дмитрий начал работать в Москве под чужим именем — частично для безопасности, частично потому что определённые люди знали его настоящее имя и связывали его с Самсоновым. Новое имя давало пространство.

И в этом пространстве он встретил Александру.

* * *

Схема, о которой он говорил, была реальной.

Один из его клиентов — небольшой бизнес, проблемы с оборотными средствами — готовил продажу части активов. Дмитрий помогал с оценкой и структурой сделки. Его вознаграждение при успешном закрытии покрывало долг Самсонову с небольшим остатком.

Сделка должна была закрыться в конце ноября.

Проблема была в том, что Самсонов дал срок до первого декабря. А сделки иногда задерживаются.

Дмитрий работал над тем, чтобы ускорить процесс — без давления на клиента, которое могло испугать и вовсе сорвать всё. Это было как разминировать бомбу в перчатках: аккуратно, терпеливо, зная, что времени меньше, чем хочется.

После разговора с Александрой он сидел в своей квартире и думал.

Она не ушла. Это было неожиданно — он был готов к тому, что уйдёт. Он бы понял, принял, не удерживал.

Она осталась и спросила, сколько денег нужно.

Он не возьмёт у неё денег. Никогда — это было для него абсолютным. Но сам факт того, что она спросила, что-то в нём изменил.

Позвонил Самсонову.

— Пётр Андреевич. Ситуация не изменилась — девушка остаётся.

Молчание.

— Дима, — сказал Самсонов. — Ты устал?

— Нет.

— Тогда ты влюблён. — Пауза без насмешки, просто констатация. — Это объясняет твою нелогичность.

— Деньги будут первого декабря.

— Будут — хорошо. А девушка...

— Она не имеет к этому отношения. И вы это знаете.

— Знаю. Но она имеет отношение к тебе. А ты — ко мне. Это транзитивно, Дима.

— Она не узнает ничего лишнего.

— Она уже узнала твоё имя.

Пауза.

— Второе имя, — поправил Дмитрий.

— Первое или второе — неважно. — Самсонов вздохнул — тихо, будто устал. — Ладно. До первого декабря. Потом поговорим.

ГЛАВА 9. НОЯБРЬ

Ноябрь был странным месяцем.

Александра знала теперь его настоящее имя, знала в общих чертах ситуацию, и что-то изменилось — не ухудшилось, нет. Просто стало другим. Как будто они убрали один слой между собой, и оказалось, что под ним — другой слой, и под тем — ещё один. Луковица, которую чистишь, и не знаешь, сколько слоёв.

Она решила не торопить. Знала то, что он сказал. Верила, что он говорит правду — насколько может. И позволила ситуации быть такой, какая она есть.

— Ты удивительно спокойна, — сказал он однажды вечером.

— Нет. Просто не показываю.

— Что чувствуешь?

— Беспокойство. — Она подумала. — И злость немного — не на тебя, на ситуацию. Что она есть. Что я не могу её исправить.

— Ты не должна её исправлять.

— Знаю. Но это не отменяет желания.

Он посмотрел на неё.

— Саша.

— Что?

— Я тебе скажу кое-что. Не как объяснение и не как оправдание.

— Говори.

— Я не планировал, что всё это получится так, как получилось. — Пауза. — Я думал — несколько недель, потом разойдёмся. Я привык к тому, что вещи не задерживаются в моей жизни. — Долгая пауза. — А потом ты засмеялась чему-то. В том баре на Покровке, в конце октября. И я понял, что не хочу, чтобы это закончилось.

Александра смотрела на него.

— Это поздновато для такого признания, — сказала она наконец.

— Знаю. — Он чуть улыбнулся. — Я вообще не очень быстрый в таких вещах.

— А в каких быстрый?

— В работе. В оценке ситуаций. В том, чтобы понять, что что-то идёт не так.

— И сейчас что-то идёт не так?

— Наоборот. — Он взял её руку. — Это и пугает.

* * *

В середине ноября Катя позвонила Александре с деловым тоном.

— Я кое-что проверила.

— Что?

— Дмитрий Воронов. Через базы. — Пауза. — Саша, ты сказала мне его настоящее имя — я решила посмотреть. Ты не против?

Александра не сразу нашла слова.

— Что нашла?

— Ничего криминального. Судимостей нет. Юрлицо было — ликвидировано два года назад. До этого — нормальная деятельность, финансовый консалтинг. — Пауза. — Но есть кое-что. Он был официально женат. На Анне Сергеевне Вороновой — в девичестве Кравцова. Развод оформлен полтора года назад, официально.

— Он говорил, что был женат, — сказала Александра. — И что развёлся.

— Это совпадает. Но развод полтора года назад, а в Москве он, по его словам, шесть лет. Значит, последние четыре с половиной года он был женат и при этом жил в Москве как Максим Орлов.

Александра думала.

— Катя. Это... это я ему задам.

— Саша.

— Что?

— Будь осторожна. Пожалуйста. Я не говорю, что он плохой человек. Но у него сложное прошлое, запутанная ситуация и привычка жить под разными именами. Это — факты.

— Я знаю.

— И ты всё равно с ним.

— Да.

Долгое молчание.

— Ты влюбилась, — сказала Катя. Без осуждения — просто констатация.

— Наверное, — сказала Александра.

— Тогда будь осторожна вдвойне. Влюблённые люди не замечают того, что должны замечать.

* * *

Она спросила его про жену в тот же вечер. Прямо, без предисловий — как она умела.

— Анна. Мы расстались полтора года назад.

— Но четыре с половиной года вы жили отдельно?

— Фактически — да. — Он помолчал. — Это была сложная история. Мы поженились рано, оба не были готовы. Потом жили отдельно, но не разводились официально — это было взаимное нежелание заниматься бумагами. Потом развелись, когда стало нужно формально.

— Ты её любил?

— Когда-то — да. Давно.

— Она знает, где ты?

— Нет. И не должна. У неё своя жизнь.

Александра думала.

— Дима. Я задам тебе прямой вопрос, и ты ответишь прямо.

— Хорошо.

— Есть ещё что-то, что ты мне не сказал и что важно?

Долгая пауза.

— Самсонов, — сказал он наконец. — Человек, которому я должен. Он попросил меня убрать тебя из своей жизни. Я отказался.

Александра почувствовала, как что-то холодное прошло по спине.

— Попросил — это как?

— Сказал, что это создаёт риски. — Пауза. — Он не угрожал тебе. Он говорил об общей ситуации.

— Но он знает, что я существую.

— Да.

— И знает, кто я?

— Вероятно.

Тишина была долгой.

— Хорошо, — сказала она наконец.

— Хорошо — что?

— Хорошо, что ты сказал. — Она смотрела на него. — Я не убегу. Но мне нужно знать всё. Понимаешь?

— Понимаю.

— Тогда рассказывай про Самсонова. С начала.

ГЛАВА 10. САМСОНОВ СМОТРИТ

Пётр Андреевич Самсонов думал об Александре Громовой дольше, чем ожидал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.